

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ ОБЗОРЫ

С 31 июля по 7 августа 1987 г. в Таллине проходил XI Международный конгресс фонетических наук (International Congress of Phonetik Sciences), наиболее представительное собрание, которое объединяет специалистов, изучающих звуковые средства языка¹. Инициативный орган организации конгрессов — Постоянный совет, президентом которого является П. Л а д е ф о г е д (США). Совет включает специалистов из разных стран (всего 38 членов, из них четыре — Т. В. Гамкрелидзе, Т. М. Николаева, М. Н. Реммель, Л. А. Чистович — из СССР). Члены совета являются одновременно и членами одного (или обоих) из двух международных фонетических объединений — Международной фонетической ассоциации (IPhA) и Международного общества фонетических наук (ISPhS), что обеспечивает связь между всеми тремя международными объединениями.

Для организации очередного конгресса в каждой из стран-«хозяев» был создан Организационный комитет. В СССР этот комитет возглавил Т. В. Г а м к р е л и д з е, председатель Комиссии по фонетике и фонологии при ОЛЯ АН СССР. В комитет вошли многие из членов этой Комиссии, а также эстонские коллеги, взявшие на себя нелегкий труд по подготовке и организации конгресса, в работе которого участвовало более семисот человек (из них советских ученых — около 200).

Открывая конгресс, президент Оргкомитета Т. В. Г а м к р е л и д з е сказал:

Уважаемые коллеги, участники XI Международного конгресса фонетических наук, дамы и господа!

Для меня как для президента этого конгресса является большим удовольствием и высокой честью объявить об открытии XI Международного конгресса фонетических наук в Таллине.

Впервые со времени своего создания Международный конгресс фонетических наук проводится в Советском Союзе, являясь наиболее крупным и важным международным форумом лингвистов, когда-либо проводившимся в нашей стране. Этот конгресс является также более значительным, чем все его предшественники, объединяя весьма широкий спектр дисциплин, связанных с исследованием речи. Особенное удовольствие и удовлетворение доставляет нам то, что это важное международное событие проходит в Таллине, столице Советской Эстонии, известной своими большими научными традициями. То, что конгресс проходит в СССР, предоставляет большому числу советских лингвистов и фонетистов весьма благоприятную возможность встречи со своими коллегами и оппонентами со всех концов света, а также возможность совместного обсуждения интересующих их научных проблем, способствуя тем самым развитию нашей науки.

Первый международный форум подобного рода под названием, которое мы сохраняем до сегодняшнего дня — «Международный конгресс фонетических наук», — состоялся в Амстердаме в 1932 г. 55 лет минуло с той поры, и исследование речи за этот более чем полувековой период достигло впечатляющих успехов и важных дости-

¹ Предшествующие конгрессы: Амстердам — 1932, Лондон — 1935, Гент — 1938, Хельсинки — 1961, Мюнстер — 1964, Прага — 1967, Монреаль — 1971, Лидс — 1975, Копенгаген — 1979, Утрехт — 1983.

жений. Этот период в истории фонетических наук характеризовался возникновением и становлением фонологии как функционального изучения звуков речи, противопоставленного изучению их как физических явлений.

После чередующихся периодов господства различных направлений в области исследования речи сегодня каждый согласится, что междисциплинарный антагонизм должен быть преодолен и звуки речи должны изучаться как с материальной, так и с функциональной точек зрения. Тем не менее признание взаимодополнительности обоих подходов к изучению звуков речи пока не привело к гармоническому сотрудничеству между сторонниками этих различных точек зрения. По-прежнему сохраняются резкие границы между фонетикой и фонологией, что особенно было характерно для 40-х и 50-х годов нашего столетия. Наш конгресс стремится к примирению этих различных подходов к исследованию речи, объединяя противоположные течения в синтетической и унифицированной теории звуковой системы языка. В отличие от последнего, X Международного конгресса фонетических наук в Утрехте в 1983 г., в работе которого участие фонологов резко уменьшилось, наш конгресс пытается ликвидировать этот разрыв и установить разумный баланс между фонетикой и фонологией, делая особенный акцент на тех аспектах фонологии, которые тесно связаны с фонетикой.

Эли Фишер-Йоргенсен в ее обращении на открытии конгресса в Утрехте отмечала, что фонетисту, описывающему конкретный язык, не требуется знать тонкостей различных фонологических теорий, достаточно знания по крайней мере основных их принципов. Несомненные лингвистические способности необходимы особенно при описании фактов просодии. Фонетист, который хочет объяснить что-либо, должен также достаточно хорошо разбираться в лингвистической типологии. С другой стороны, фонология нуждается в фонетике не только для идентификации звуков, но также и в объяснительных целях.

Фонологическая типология и языковые универсаллы, как синхронные, так и диахронно-исторические, а также и другие направления и течения в современной фонологической теории представлены на настоящем конгрессе достаточно хорошо.

Многие западные лингвисты, особенно те, которые интересуются фонетическими и фонологическими универсалиями, навлекнут похвалу из изучения той работы, которая осуществлялась в нашей стране по исследованию звуковых систем и классификации языков национальных меньшинств СССР. Эта тема является, так сказать, традиционной для нашей науки.

Другой разрыв, который необходимо преодолеть на этом конгрессе, — это разрыв между классической фонетикой и стремительно развивающейся звуковой технологией. Одной из важных «растущих областей» в фонетической науке является так называемая «связь человек — машина», т. е. синтез и автоматическое распознавание речи, как и другие области прикладного исследования звуков речи. Теоретически рассуждая, успех в этой области мог быть достигнут прежде всего на основе тех обширных знаний о звуках речи, которые фонетисты традиционно накапливали в течение продолжительного периода времени и которые в последние годы обогатились новым пониманием структуры производства и восприятия речи. И тем не менее имеющиеся в настоящее время приборы для распознавания и синтеза речи менее обязаны вкладу фонетистов, чем ученых — специалистов по компьютерной технике и физиков, которые говорят по существу на разных языках и имеют различные подходы к этой проблеме. Исследование проблемы «связь человек — машина» значительно выиграет, если и этот разрыв будет также преодолен нахождением общего языка и демонстрацией того, как фонетическое исследование может быть применено к области «связь человек — машина». С другой стороны, было бы важно поставить на службу инженерам и ученым — специалистам по компьютерам сведения, добытые фонетистами, которые незаменимы при создании совершенных звуковых устройств. Мы сочли бы большим достижением, если бы наш конгресс смог способствовать продвижению в этом направлении, более тесно сближая классическую фонетику и фонологию со стремительно развивающейся областью прикладных аспектов исследования речи.

Я хочу завершить свои предварительные замечания к XI Международному конгрессу фонетических наук приветствием ко всем его участникам, от научных докладов и дискуссий которых целиком зависит судьба нашего конгресса.

Я горячо надеюсь на успех конгресса и выражаю нашу самую искреннюю благодарность всем тем, кто так или иначе способствовал нелегкой задаче организации этого конгресса, кто преданно сотрудничал с нами, поддерживал нас и помогал нам.

Большое спасибо.

Ежедневно читались пленарные доклады (всего было прослушано 10 докладов, подготовленных по заказу Постоянного совета и Оргкомитета конгресса), затем проходили секционные заседания (их было 104, и на

каждом в среднем было прочитано 4—5 докладов); были организованы стендовые доклады (на четырех таких сессиях было представлено около 60 докладов). В рамках конгресса было также организовано 6 симпозиумов, на которых прочитано около 40 докладов. Таковы чисто количественные данные, свидетельствующие о напряженной работе конгресса.

Известно, что фонетика как наука занимает особое место, привлекая к себе интерес специалистов самых разных областей знаний: лингвистов, психологов, физиологов, акустиков, инженеров-связистов, врачей, специалистов в области распознавания, синтеза речи и в области создания систем искусственного интеллекта. Можно сказать, что доклады, прочитанные на конгрессе, в полной мере отразили сложность предмета и объекта фонетических исследований. Об этом свидетельствует и их проблематика, и содержание конкретных докладов.

Пленарные доклады охватывали самые разнообразные проблемы — от моделирования слуховой обработки речевых сигналов (М. Карьялайнен, Финляндия) до соотношения фонетических и фонологических процессов в исторических звуковых изменениях (А. Ээк, и Т. Хелп, СССР). Казалось бы, трудно найти что-то общее в докладах, касающихся таких разных вопросов. Однако есть несколько тем, которые обязательно затрагивались почти всеми авторами. Первая — это обсуждение тех трудностей, с которыми сталкивается исследователь, желающий использовать экспериментально-фонетические данные для интерпретации фонологических явлений. Об этом говорилось и в докладе Л. В. Бондарко (СССР), и в докладе Б. Реппа (США), и в докладе Б. Линдблома (Швеция); в том или другом виде эта тема представлена и в остальных пленарных докладах. Вторая общая почти для всех докладов тема — рассмотрение уровневой организации речи, определяемой системой языка, и стремление к моделированию речевой деятельности человека с учетом взаимовлияния разных уровней. Необходимо специально отметить то обстоятельство, что ведущие специалисты в области фонетики практически не ставят под сомнение необходимость учитывать тесную связь фонетических и фонологических явлений. При самых разных толкованиях причин разрыва, существующего между фонетическими данными и фонологическими теориями, все докладчики в основном соглашались в необходимости большего внимания к тем процессам, которые характеризуют деятельность говорящего и слушающего человека. Даже при построении устройств, работающих с речевыми сигналами в специальных целях («речевая технология») явления фонетической вариативности обсуждаются очень интенсивно (Х. Фуджисаки, Япония).

Достаточно последовательно почти во всех пленарных докладах обсуждались и современные возможности компьютерного представления данных — от моделирования работы слуховой системы (М. Карьялайнен) или процессов речеобразования (В. Н. Сорокин, СССР) до использования компьютерного представления о фонетических и фонологических свойствах звуковой системы в теоретических и прикладных исследованиях (Л. В. Бондарко, СССР, О. Фуджимура, США). Наконец, большое внимание уделялось и методике выявления фонологически релевантных признаков путем анализа речевого поведения носителей различных по своей фонетической структуре языков (И. Лехисте, США).

«Технологический» подход к фонетическим явлениям, обусловленный интенсивным развитием систем, позволяющих человеку общаться с различными устройствами наиболее естественным для него образом (т. е. при

помощи речи), обсуждался в докладах Дж. Лэвара (Великобритания) и М. Карьялайнена.

Учитывая количество докладов, здесь абсолютно не представляется возможным говорить об отдельных секционных докладах, даже и очень интересных. Целесообразно остановиться лишь на представленной проблематике. Секционные заседания, в соответствии со сложившейся традицией, были сгруппированы следующим образом: речеобразовании — методы исследования, управления артикуляторными движениями, коартикуляция, управление голосовыми связками, отношения между голосовым трактом и акустикой; акустика речи — методы анализа речевого сигнала, кодирование речи, моделирование акустических явлений, акустика речи, продуцируемой в специальных условиях, акустические признаки, анализ и синтез просодических контуров; восприятие речи — методы исследования, модели восприятия речи, центральные механизмы восприятия, уровни обработки в восприятии речи, периферический анализ, производство речи и ее восприятие, акустические признаки как перцептивные ключи, восприятие формант и спектральных максимумов, восприятие темпа: влияние контекста и порядка следования на восприятие; речевая технология — синтез речи, синтез «текст — речь», артикуляторный синтез, естественность и разборчивость синтезированной речи, экспертные системы и обработка речевых сигналов, синтез и распознавание, системы распознавания речи, алгоритмы распознавания речи, распознавание речи, независимое от диктора, распознавание диктора и нормализация, распознавание звуков, слов, связной речи, сегментация и категоризация, фонетические базы данных; лингвистические аспекты — дескриптивная фонетика, фонемные классы и подклассы, фонотактика, фонотактика и универсалии, признаки и универсалии, микропросодика вариаций основной частоты, контуры основной частоты, проблемы слога, временная организация, просодия слова, словесное ударение, слоговые аспекты, просодия слова и фразы, модальность и интонация, длительность как компонент фразовой просодии, эмоциональная вариативность фразовой просодии, спонтанная речь, нормативная фонетика и фоностилистика, общие проблемы фонологии, фонология и морфонология, изменение фонологического типа, историческая фонетика и фонология, история фонетики, сопоставительные исследования, социофонетика, интерференция, типология и универсалии, фонетическая изобразительность; дефекты речи и обучение — речевые нарушения, дизартрия, афазия, заикание, дефекты голоса, производство и восприятие речи у людей с ослабленным слухом, помощь слабослышащим, детская речь, обучение, технические средства в обучении фонетике, пение. Такая же тематика была представлена и в стендовых докладах.

По инициативе ведущих специалистов и под их председательством были проведены следующие симпозиумы: интонация (председатель — Т. М. Николеев, СССР), отношения между фонетикой и естественной фонологией (председатель — В. Дресслер, Австрия), феномен взаимодействия при моделировании речеобразования (председатель — Г. Фант, Швеция), модели слуха (председатель — М. Шрёдер, ФРГ), Роман Якобсон и современная фонология (председатель — В. Я. В. С. Иванов, СССР), ритм и метрика (председатель — А. М. Анטיפова, СССР).

Даже простое перечисление проблем, рассматривавшихся на конгрессе, дает достаточно полное представление не только о содержании его

работы, но и о том значительном месте, которое занимает фонетика во всей совокупности ее направлений в современной науке. Здесь нет, разумеется, возможности сколько-нибудь подробно осветить даже содержание собственно лингвистических докладов, тем более что все они опубликованы и составляют шесть объемистых томов трудов конгресса («Proceedings of the XI International Congress of Phonetic Sciences». V. 1—6. Tallinn, 1987). Однако можно установить некоторые общие тенденции, характеризующие поступательное движение фонетики как науки от конгресса к конгрессу. Новая модель речеобразования, предложенная В. Н. Сорокиным, заставила крупнейших специалистов в этой области признать необходимость пересмотра старых представлений. Возрос интерес к созданию фонетических баз данных, которые могут использоваться для распознавания, синтеза и обучения. Исследования механизмов восприятия позволили вплотную приступить к реализации электронного протезирования, основанного на сведениях о свойствах центральной слуховой системы. Все больше теоретических исследований базируется на данных, полученных при анализе процессов речепроизводства и восприятия речи. В наиболее интересных докладах, посвященных интонации, учитывалось взаимодействие просодических и лексических средств, а также и закономерности семантической организации текста.

К сожалению, некоторые сугубо фонологические доклады, прозвучавшие на конгрессе, не свидетельствовали о каком-либо сближении теоретических постулатов с потенциальными возможностями того основного звена, которое пользуется фонологической системой, — говорящего и слушающего человека. Если для представителей фонетики — во всех ее разновидностях — учет высших языковых уровней представляется совершенно необходимым, то для фонологов, к сожалению, фонетические сведения все еще кажутся ненужными.

Как показали дискуссии, проходившие на конгрессе, важной задачей современной фонетики является построение общей теории и общего мета-языка этой отрасли языкознания. Конгресс подтвердил, что отсутствие единого языка интерпретации у фонетистов наблюдается во все более явном виде при переходе от простейших к все более сложным структурам. Так, в описании отдельных звуков больше единства, чем в описании и индексации единиц фразовой просодии, где на данном этапе насущные потребности науки никак не обеспечиваются концептуальным единством. Некоторое своеобразие XI Конгресса по сравнению с предшествующим конгрессом определяется относительным увеличением числа докладов, посвященных собственно лингвистическим проблемам.

Впервые в истории подобных конгрессов внимание было уделено исследованию диахронического аспекта фонетики и фонологии. Этой проблеме были посвящены четыре секционных заседания под общим названием «Историческая фонетика и фонология» и доклады, прочитанные на секции «Типология и универсалии: изменение фонологического типа». Вопросы диахронии рассматривались также в докладах секции «Балтийские акценты» и др. и в отдельных пленарных докладах, где они затрагивались иногда наряду с проблемами синхронного состояния языков. Например, выяснилось, что ведущая роль в диахронических исследованиях принадлежит советским лингвистам — в этой области они имели большое преимущество как в количестве докладов и участии в обсуждениях, так и, что особенно важно, — в уровне разработанности самой проблематики.

Рассматривалось также соотношение развития сегментных фонем и тоновых контуров в диахронии, соотношение тонов с резонансными яв-

лениями типа фарингализации, ларингализации и т. п., разные механизмы возникновения тоновых оппозиций; динамика разных акцентных систем в разных языках мира; перерастание тоновых оппозиций в иные просодические и другие языковые элементы. Анализировались и более частные проблемы этого круга, например, изменение фонемной парадигматики и синтагматики в конкретных языках в связи с акцентной организацией слова в прошлом; длительность гласного и слога в целом и закономерности ударения и пр.

Нельзя не отметить и того, что вопросы интонационной организации речи, проблемы просодических характеристик занимали значительное место в программе работы конгресса. Движимым стимулом к увеличению интереса к интонации — и вообще к смысловому аспекту фонетики — является все более осознаваемая потребность адекватности в коммуникации, необходимость интерпретировать с абсолютной точностью все смысловые коннотации, передаваемые в высказывании. Роль просодико-интонационных средств при этом трудно переоценить.

Нужно признать, что с методической точки зрения работы наших зарубежных коллег значительно опережают советские исследования. Речь идет об использовании компьютерной техники как в эксперименте, так и при моделировании, а особенно при создании фонетических баз данных. Ясно, что развитие компьютерной методики при исследовании речи должно проводиться в нашей стране более быстрыми темпами. В теоретическом плане, однако, многие советские доклады не только не уступали «компьютеризованным» докладам наших иностранных коллег, но и значительно превосходили их. Наибольшее внимание было уделено соотношению фонемной парадигматики, синтагматики и просодики в языковом развитии в связи со структурой слога (в ряде докладов также — структурой слова в целом) или последовательностей типа CV, CVC и т. п. в слогосчитающих и моросчитающих языках. Рассматривались изменения фонемной парадигматики и синтагматики, обусловленные на разных этапах истории языка структурой слога (или звуковых последовательностей) либо наличием в прошлом тоновых оппозиций или иных признаков, свойственных слогу или последовательности фонем в целом. Тем более необходимо создать соответствующее материальное обеспечение, если мы хотим действительного обогащения лингвистических фонологических концепций сведениями о реальных речевых процессах.

В целом атмосфера на конгрессе была деловой, живой и непринужденной, чему весьма способствовала хорошая организация: к моменту начала конгресса труды его уже были опубликованы, информация о заседаниях и возникающих изменениях в программе оперативно сообщалась всем участникам. Для советских фонетистов этот конгресс был прекрасной возможностью познакомиться с крупнейшими зарубежными специалистами, поскольку на предыдущих конгрессах число советских участников было чрезвычайно малым.

Закрывая конгресс, Т. В. Г а м к р е л и д з е сказал:

Дамы и господа!

XI Международный конгресс фонетических наук в Таллине подходит к своему завершению.

Я полагаю, что наш конгресс явился большим успехом, и я буду счастлив, если все его участники разделяют это мнение. Как президент, а точнее, уже экс-президент Международного конгресса фонетических наук, я бы хотел выразить свою признатель-

ность и искреннюю благодарность всем вам за ваше доброе сотрудничество в деле успешного проведения этого конгресса.

Около 500 докладов, представленных на конгрессе, затрагивали важнейшие аспекты фонетики и фонологии, и я должен признать, они внесли весомый вклад в дальнейшее развитие современной фонетической науки, или, чтобы быть точнее, в разнообразные фонетические дисциплины, как теоретические, так и прикладные. Большое удовольствие доставляло нам присутствие здесь и выступления многих выдающихся современных ученых, от которых мы многое узнали и которые внесли важный вклад в работу нашего конгресса.

Проф. Ладефогед в своем выступлении, открывшем дискуссию на этом конгрессе, охарактеризовал наш статус как просто «фонетисты». Да, все мы равны, и все мы являемся фонетистами *par excellence*. Но некоторые из нас также «лингвисты» и в более широком смысле, и с этой точки зрения я склонен видеть в фонетических науках неотъемлемую часть многоликой лингвистической науки, лингвистики в целом. Именно поэтому настоящий конгресс был столь ограничен во времени, чтобы дать возможность фонетистам, участвующим в Международном конгрессе фонетических наук, сразу же отправиться на Международный лингвистический конгресс в Берлине, где, кроме того, состоится заседание Европейского лингвистического общества (*Societas Linguisticae Europae*) и где также будут обсуждаться фонология и фонетика.

Как бы то ни было, независимо от того, считаем ли мы себя фонетистами или же лингвистами в более широком смысле, все мы согласимся, что являемся одной большой семьей, имеющей общую цель — лепить наше единственное и любимое дитя, называемое языком. Я бы отнес к этому большому содружеству заинтересованных людей великолепный лозунг, используемый пока только шахматистами, которые тоже называют себя, и весьма обоснованно, одной большой семьей: «*Gens una sumus*».

Да, мы одна большая семья людей, имеющих свои особые интересы, и давайте станем ближе друг к другу, давайте более тесно сотрудничать и взаимодействовать, вместе размышлять над темами, представляющими взаимный интерес.

Несмотря на ощутимые результаты, достигнутые на настоящем конгрессе, благодаря прежде всего вашему, дорогие коллеги, участию, многие важные вопросы нашей науки все еще предстоит исследовать. В перспективе перед нами но-прежнему широкая область неразрешенных проблем и, следовательно, кое-что остается и для будущих фонетических конгрессов.

Я желаю вам, дорогие коллеги, большого успеха в вашей деятельности в этом направлении.

Позвольте мне еще раз поблагодарить всех участников этого конгресса, которые сделали его столь успешным и информативным. И, наконец, наша самая искренняя благодарность — группе очень преданных, увлеченных и весьма опытных лингвистов, членов Оргкомитета, и особенно нашим эстонским коллегам, которые сыграли решающую роль в организации этого конгресса. Без их энтузиазма, преданности и самопожертвования мы бы не достигли столь весомых результатов на нашем конгрессе. Могу ли я попросить вас поаплодировать им?

Спасибо и до свидания. XI Международный конгресс фонетических наук в Таллине объявляется закрытым.

На заключительном заседании было решено провести XII Конгресс фонетических наук в г. Экс-ан-Прованс (Франция). В состав Постоянного совета введена А. М. Антипова.

Прошедший конгресс еще раз продемонстрировал важность науки о звуковом строе языка. Хотелось бы видеть у нас в стране специальное издание, посвященное проблемам фонетики и фонологии.

*Бондарко Л. В. (Ленинград), Эдельман Д. И. (Москва),
Николаева Т. М. (Москва)*

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ОТКРЫТИИ XI МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ФОНЕТИЧЕСКИХ НАУК (Таллин, 1987)

ФИШЕР-ЙОРГЕНСЕН Э.

Прежде всего мне хочется поблагодарить Оргкомитет конгресса за приглашение участвовать в этой дискуссии. Я рада находиться в этом прекрасном городе, чье имя, как некоторым из вас, возможно, известно, означает «Датский замок». В начале XIII в. датский король и его армия пытались христианизировать эстонцев — боюсь, главным образом путем их уничтожения. В решающей битве, согласно мифу, с небес упал флаг, который помог нам одержать победу и стал с тех пор датским флагом. Этот миф до сих пор рассказывают в датских школах, так что все мы знаем, что наш национальный символ зародился в Эстонии.

Нас всех попросили на этой дискуссии поговорить о «фонетике, ее прошлом и будущем». Однако поскольку это же было темой моего вступительного слова на открытии предыдущего конгресса, я выбрала более специфический аспект этой проблемы, а именно, связи между Востоком и Западом. Под «Востоком» я не имею в виду Дальний Восток. Лишь попутно упомяну, что в течение многих лет между японскими и западными фонетистами поддерживалось очень тесное и плодотворное сотрудничество. Под «Востоком» в данном случае я имею в виду Восточную Европу и особенно Советский Союз.

В 1900-х гг. и до середины 30-х гг. нашего столетия фонетистов было очень немного, все они знали друг друга, а поскольку университетские преподаватели не были столь перегружены административными функциями, как сейчас, у них было время, чтобы писать письма. И почтовая служба тогда работала лучше. Поэтому Соссюр и Бодуэн де Куртене могли поддерживать плодотворную для обоих переписку, точно так же, как позднее Сэпир и представители Пражского кружка.

Путешествие тогда отнимало сравнительно больше времени, чем сейчас, но зато было меньше бюрократических препон, так что Щерба мог заниматься в Париже с Пасси и Руссло, Титус Бенни смог отправиться в Лондон, где он поведал Джоунсу о русской теории фонемы, а Трубецкой мог учиться в Лейпциге, где он встретился с Блумфилдом. До первой мировой войны не нужен был даже паспорт; и не далее как в тридцатых годах один из моих сокурсников проехал всю Западную Европу без паспорта. Он просто предъявлял свое свидетельство о зачислении в вуз — в то время внушительный документ на латинском языке, который никто не мог читать и перед которым потому открывались все границы.

Конечно же, лингвисты и фонетисты имели также возможность читать книги друг друга, и работы ученых Востока были известны на Западе. Фирс написал статью о Крушевском, который оказал на него несомненное влияние. Ельмслев в своей первой книге упоминает о фортунатовской школе как об одном из источников своего вдохновения, а в статье от 1933 г. о лингвистических оппозициях он обсуждал теории Пешковского, Карцевского и Р. Якобсона и на этой основе развивал свои собственные идеи о партиципативных оппозициях. На каждом заседании Копенгагенского лингвистического кружка докладывались и обсуждались лингвистические и фонетические работы со всего света; у всех было ощущение принадлежности к большой международной рабочей группе.

Хорошо известно также, что Р. Якобсон и Трубецкой привезли русские идеи в Прагу, где они встретились с соссюрианским влиянием и местной чешской традицией, и что Пражская фонология в 30-е годы распространилась по всей Западной Европе.

Оккупация нацистами Чехословакии, вторая мировая война и последующая холодная война положили конец этому плодотворному обмену идей.

В сороковые и пятидесятые годы американский структурализм следовал своим собственным путем и большинство американских лингвистов проявляло очень мало интереса к европейской лингвистике и фонетике. Мне вспоминается встреча в Блумингтоне в 1952 г., где Хоккет (который действительно знал европейскую лингвистику) распространил тезисы, содержащие раздел о Соссюре, но этому разделу он считал необходимым предпослать предупреждение: «Если не интересует, пропустите!».

Что же касается Европы, то она была разделена на Восток и Запад. Связи между Прагой и Западной Европой были, однако, слишком сильны, чтобы разорваться окончательно, а чешские и польские фонетисты часть своих работ писали на английском или немецком языках, так что мы по-прежнему имели возможность следить за научным развитием в этих странах, что можно сказать также и в отношении ценного вклада Эстонии в фонетические исследования.

Но между советскими и западноевропейскими лингвистами и фонетистами контактов было очень мало. Это было обусловлено главным образом полным неприятием западного структурализма советскими специалистами. Весьма парадоксально, что европейский структурализм, испытавший столь глубокое влияние русских теорий, был тогда заклеивен просто как буржуазный и капиталистический. Верно, что фонологические и лингвистические теории связаны с общими культурными тенденциями своего времени (например, с искусством, философией), но с тридцатых годов у нас на Западе было столько сменяющих друг друга теорий, что вряд ли, на мой взгляд, они могут иметь какую-либо особую связь с капитализмом. Что же касается фонетики, то она, к счастью, является очень аполитичной наукой. Довольно трудно, например, представить, как описание артикуляции [p] может различаться с марксистской или с буржуазной точек зрения.

В пятидесятые годы образ мыслей на Востоке стал более гибким, а в начале шестидесятых годов на русский язык было переведено большое число западных структуралистских книг и статей и западные работы оценивались более позитивно и часто цитировались. С того времени западная лингвистика и фонетика стали хорошо известны в Советском Союзе и в других странах Центральной и Восточной Европы. На Западе, однако, знакомство с советской лингвистикой и фонетикой не улучшалось в той же мере, несмотря на различные попытки сделать их известными, как, например, регулярные обзоры статей из «Вопросов языкознания» во французском «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», ряд публикаций советских статей и обзоры советских книг в журнале «Phonetica», общие обзоры советской фонологии, предпринятые, например, Халле, Кортландом и мною (в моей книге «Направления в фонологической теории»), и несколько переводов русских работ, хотя число их было ограниченным, а переводы неодинакового качества. Эти переведенные работы цитируются в западных статьях, особенно работы Л. Чистович, но работы на русском языке цитируются очень редко, хотя многие из них содержат интересные исследования, например, в области анализа про-

изводства и восприятия речи (особенно работы группы Академии наук в Ленинграде), интонации и ритма (особенно в работах московской группы), морфофонемике и распознавания речи.

Основная причина неудовлетворительного знания этих достижений является не политической, а сугубо практической: почти все советские работы написаны на русском языке, а очень небольшое число западных ученых способно читать по-русски. Это весьма прискормно, но по крайней мере частично объяснимо. В значительной степени это может быть объяснено европейской школьной традицией, в соответствии с которой в средней школе изучались четыре иностранных языка (латинский, французский, немецкий и — несколько позже — английский). Было довольно сложно добавить сюда еще и пятый язык. В самое последнее время многие школы предлагают свободный выбор большего числа языков, так что русский, например, может быть выбран вместо французского, но делают это не очень часто. В Дании, например, не более пяти процентов учащихся, а в некоторых других странах — еще меньше. Традиция, к несчастью, довольно сильна. И если позднее, в университете, студенты и преподаватели осознают, что им следовало бы уметь читать по-русски, они уже слишком немолоды, чтобы быстро изучить новый язык. Я знаю это по собственному опыту. Когда вы можете прочесть десять статей на английском языке за то время, которое потребуется вам для прочтения одной статьи на русском, слишком велик соблазн отдать предпочтение английским статьям, и таким образом вы так и не достигаете беглости чтения. Это порочный круг.

Боюсь, что нереалистично ожидать улучшения в этом деле. Общая тенденция такова, что молодое поколение стремится как раз в противоположном направлении. Сегодняшние студенты, по крайней мере в Дании, неохотно читают книги даже на французском и немецком языках, в то время как все они свободно читают на английском. Поэтому следует переводить на английский язык больше русских книг, и было бы разумным, если бы русские авторы писали некоторые из своих статей на английском. Полезны были бы и обзорные статьи в западных периодических изданиях.

Но намного важнее, чем переводы, являются более тесные личные контакты между фонетистами и фонологами Востока и Запада. Большие международные конгрессы предоставляют, конечно, хорошую возможность для встречи. Но общее число участников из Советского Союза на всех состоявшихся ранее Международных фонетических конгрессах, не считая конгресса в Праге, равнялось лишь двум, что меньше одного процента, а число участников из других социалистических стран равнялось приблизительно 15. Из этих последних стран в Праге в 1967 г. было более чем 200 участников, особенно, конечно, из Чехословакии, но опять-таки менее 50 участников из Советского Союза. Это и явилось причиной для решения о проведении данного конгресса в Советском Союзе, что действительно значительно увеличило число советских участников. Мы надеемся, что этот конгресс предоставит хорошую возможность для личных контактов и дискуссий, которые в некотором отношении более важны, чем заседания.

В будущем было бы полезным, если бы можно было организовать и менее крупные восточно-западноевропейские симпозиумы, взаимные визиты, а также временные обмены сотрудниками из институтов Востока и Запада. И я думаю, сейчас у вас есть все основания надеяться на улучшение связей. Хорошим примером положительного эффекта личных контактов является пребывание Л. Чистович в Институте Гуннара Фанта

в Стокгольме в 1966 г., что способствовало установлению тесного сотрудничества между двумя институтами, а также проведению двух очень интересных восточно-западноевропейских симпозиумов в 1966 и 1973 гг. в Ленинграде, внесших вклад в ознакомление Запада с русскими фонетическими исследованиями.

Улучшение контактов между Востоком и Западом способствует прогрессу не только в области фонетических исследований. Что намного более важно, это может содействовать также и лучшему пониманию между народами на Востоке и Западе. Все мы знаем, что технологический прогресс, который оказал такой огромный положительный эффект на развитие фонетики и многих других наук, дал миру также и страшный потенциал для самоуничтожения. К несчастью, прогресс в технологическом знании не сопровождался аналогичным прогрессом в области морали и здравого смысла. Увеличение контактов могло бы способствовать разрушению предрассудков и созданию большего доверия между Востоком и Западом и тем самым способствовать выживанию человечества. Будем же надеяться, что и данный конгресс окажет свое положительное воздействие на этот процесс.

Перевел с английского *Чиркба В. А.*

ФОНЕТИКА И ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ В ПЕРСПЕКТИВЕ

Пытаясь размышлять о прошлом, настоящем и будущем фонетики я вспоминаю, что этой теме было уделено достаточно много внимания на последнем Международном конгрессе фонетических наук в Утрехте четыре года назад. Я имею в виду выступление Э. Фишер-Йоргенсен, мое собственное выступление, посвященное фонетике и фонетической аппаратуре, а также прогнозы Дж. Фланагана и Д. Холмса по поводу совершенствования этой аппаратуры. Я не собираюсь дублировать эти и другие обзоры общего характера. Лучше я изложу свои собственные взгляды в свете указанной проблематики.

Прежде всего для нас совершенно очевидна тесная зависимость фонетики и фонетической аппаратуры. Фонетика является неотъемлемой частью исследования речи или, если угодно, наоборот. Фонетическая аппаратура необходима для достижения далеко идущих целей в области распознавания и синтеза речи, систем ввода независимой от диктора речи, многоязычного вывода типа «текст — речь» с необязательным диктором и даже с дикторo-адаптирующими характеристиками. Необходимы крупномасштабные капиталовложения в теоретические исследования в области речевой деятельности на всех уровнях, планирование исследований не на годы, а на десятилетия. Понимание необходимости такого подхода, первоначально ограниченное рамками специалистов, сейчас уже проникло в сферу финансирующей науку администрации.

Весьма многообещающей областью применения фонетической аппаратуры являются вспомогательные средства речевой коммуникации для людей, страдающих нарушениями в этой области. Для обеспечения высококачественных характеристик и адаптации к коммуникативным возможностям и нуждам потребителя необходима солидная база знаний в области фонетики и лингвистики. Неудивительно, что в программе нашего конгресса нашли свое место и доклады, посвященные системам ввода и вывода речи и вспомогательным средствам для больных с нарушением речевой деятельности.

Фонетика, в свою очередь, стала зависимой от фонетической аппаратуры, обеспечивающей анализ и синтез. Фонетисты стали сотрудничать при создании фонетической аппаратуры. Некоторые языковые факультеты даже ввели курсы по изучению фонетической аппаратуры. Весьма перспективной областью является автоматическая обработка текста. Тем не менее выражается некоторое беспокойство по поводу бурного развития технических средств, используемых в фонетике. Потеряет ли фонетика свой гуманитарный профиль и индивидуальность и сведется ли она лишь к обслуживанию технических достижений? Можно ли утверждать, что занимаясь изучением фонетической техники, Международный конгресс фонетических наук слишком расширил сферу своей компетенции? По моему мнению, эти опасения являются консервативными и игнорируют чистую выгоду. Дело на самом деле не в том, чтобы противопоставить фонетику звуковой технологии, а в том, чтобы учитывать развивающуюся область исследований производства и восприятия речи и языка безотносительно к сфере его использования. Прогресс в этой области предоставляет большие возможности гуманитариям для развития общей фонетики и способствует эффективности сравнительных исследований языков, диалектов и индивидуальных речевых навыков.

Мы можем ожидать, например, более эффективных методов обучения иностранным языкам, а также более быстрого овладения навыками чтения и письма у детей с замедленным или ослабленным языковым развитием. В этом заключены истинные гуманистические ценности.

В каком же направлении нам двигаться дальше? Чему мы научились и каковы перспективы на будущее? Фонетика или, если угодно, исследование речи являет собой взаимодействие индивидуумов, идей и техники. У большинства из нас различный багаж знаний, различные связи с прошлым и обязательства перед будущим. Но все мы преклоняемся перед теми перспективами, которые открываются по мере расширения нашего познания. Эти перспективы подобны прекрасному саду, в котором мы должны вырастить некие растения или же разгадать архитектурный замысел, великий план, заложенный создателем.

Некоторые из нас полны решимости закладывать свои собственные сады теорий и методик. Возможности нашего успеха больше зависят от наших знаний и опыта, чем от доступных книг по садоводству. Компьютерные справочники нельзя считать исчерпывающими. Требования, предъявляемые научным знанием, слишком разнообразны и тонки. Здесь важную роль играет опыт. Трудно структурировать и квантифицировать описания тонких оттенков тембра. Наглядным примером являются формальные описания оттенков индивидуального тембра голоса, стилей говорения и чтения.

Однако ситуация является еще более сложной. У нас нет хорошего учебника акустической фонетики какого-либо языка, достаточно исчерпывающего для использования его в качестве основы для создания правил программирования синтеза или распознавания речи независимо от диктора. Следовательно, вариабельность структуры должна быть одним из условий достижения более точных описаний инвариантных элементов. В моем докладе в Утрехте в 1983 г. я заметил, что доступные в настоящее время исходные данные и правила являются неполными и разбросаны по различным работам. Более полные системы правил заключены в средствах программирования систем синтеза типа «текст—речь». Обычно они не снабжены необходимой документацией, делающей их пригодными для общественного пользования, и нередко строятся на догадках, не имеющих достаточного обоснования, причем используются параметрические описания, пригодные лишь для данной системы.

В области распознавания речи мы еще более далеки от обобщающего фонетического подхода. Используемые здесь методы основаны либо на сравнении с образцом, либо на фонетической сегментации и квантификации, что слишком примитивно для того, чтобы уловить важные динамические сигналы. Для преодоления нашей неспособности проникнуть в сущность проблемы мы часто принимаем «экспертные системы», которые обеспечивают всего лишь ограниченную замену основательного знания, которым обладает независимый от диктора код. Компьютеры становятся все более эффективными и рассчитаны на языки программирования более высокого уровня. Но мы не можем полагаться на так называемых экспертов для решения всех наших проблем или переложить это бремя на компьютеры, чтобы обучиться коду. Компьютеры являются незаменимыми, но мы должны быть по крайней мере на несколько шагов впереди в обобщениях и четко определять стратегию в поисках речевого кода.

В настоящее время большая часть научно-технической интеллигенции, вовлеченной в фундаментальные долгосрочные исследования речи, принимает участие в работе национальных программ, подобных Dagra

в США, японскому пятому поколению компьютеров, британскому проекту Alvey и связанных с ними европейских совместных программ. Имеется определенный риск, что поток информации, когда он подойдет к стадии разработки обобщенных правил потенциальной оперативной мощности (например, по отношению к специфическим языкам, особенностям тембра голоса или разговорному стилю), будет замедлен. Допустив это, мы разрушим наше дело. Создание свободного потока информации является иногда исключительно важным даже в пределах группы научных работников или лаборатории определенного размера. Но суть дела здесь состоит именно в отсутствии времени и интереса для перекодирования наблюдаемых структур и создания единой акустико-фонетической терминологии и обобщенных правил, доступных банку знаний.

Здесь я подошел к ключевому моменту в своем сообщении. За банком данных должен последовать банк знаний. Если бы кто-либо смог обработать и преобразовать всю информацию, представленную здесь на конгрессе, получился бы поистине впечатляющий банк знаний..

Каким образом следует улучшать способность к познанию и совершенствованию исследовательских навыков? Здесь нет никакой альтернативы упорному труду, но движущей силой все же является вдохновение, которое посещает нас время от времени на критических этапах нашей работы, когда уже видны результаты. Возможно также вдохновение, рожденное в спорах с коллегами в маленьких или более крупных коллективах, подобно нынешнему конгрессу, или же вдохновение, вызванное чтением литературы. Таким стимулом может стать и открытие нового, неожиданного признака на спектрограмме. У всех нас свой личный опыт этих счастливых мгновений озарения и открытия. Пожелаю же всем нам получить удовольствие от этой конференции, которая предоставила возможность ознакомиться с уникальным спектром советских работ и уникальный случай широких контактов с советскими коллегами.

Теперь, когда я заканчиваю свое сообщение, я понимаю, что оно не так уж и ново. Это вариация старой темы, старой мелодии. В качестве последней метафоры я позволю себе уподобить каждого из нас поющим птицам в очарованном саду фонетики. У всех нас свой голос и своя мелодия, и все мы ожидаем ответа. Мне вспоминаются слова английского поэта Джона Китса: «*Heard melodies are sweet, but those unheard are sweeter*».

Перевел с английского *Чурикба В. А.*

*

10—15 августа 1987 г. в Берлине состоялся очередной, XIV Международный конгресс лингвистов, собравший около 1800 участников более чем из 50 стран мира. Проведение конгресса стало крупнейшим событием в деятельности лингвистов: в повестку дня его заседаний были включены доклады, охватывающие широкий круг актуальных и важных проблем современной науки о языке, существенных как с теоретической, так и практической точки зрения. Конгресс был открыт краткими приветственными выступлениями председателя его организационного комитета директора Центрального института языкознания АН ГДР В. Б а н е р а